Редактор страницы: Ирина Клепикова
Тел: +7 (343) 375-85-45
E-mail: klepikova@oblgazeta.ru

ОБЛАСТНАЯ ГАЗЕТА
www.oblgazeta.ru
Четверг, 3 ноября 2011 г.

Сто рябин в честь Рябинина

Ирина КЛЕПИКОВА

...Перечитываю Рябинина. Иные рассказы, зная с детства их трагический финал, не дочитываю: невмоготу. Другие пытаюсь «препарировать»: как сделано? Самые простые вроде слова, а... «После Рябинина» собственного Грэя, стареющего спаниеля, норовишь лишний раз за ухом потрепать. На улице «собачники» чаще притягивают взгляд: за каждым питомцем читаешь его историю. А каждой бездомной дворняге хочется заглянуть в глаза: что с тобой случилось?..

— Да, Борис Степанович так и говорил о себе: «Я — собачий писатель», — с улыбкой соглашается Леокадия Семёновна, вдова писателя. — Письма со всего Союза приходили, иногда — даже без адреса. Только приписка: «Б.Рябинину — человеку, который прекрасно знает собак». И доходило. Спрашивали совета, какую породу выбрать, как воспитать собаку, как лечить. Если в семье у кого-то возникало непонимание из-за собаки — к Борису Степановичу и с этим обращались, за поддержкой...

«Собачий писатель»

У ног моих, под столом, шумно вздыхает Фрося. Огромное добрейшее существо. Фрося — пятый ризеншнауцер(ша) в семье Рябининых! Ей уже не досталось писательского внимания. А многих её предшественников — и дога Джери, и эрдельтерьера Снуки, первого представителя этой породы в Свердловске (их фотографии на стене против писательского стола) — знал не только весь Советский Союз, но и заграница, где Рябинина тоже издавали. Все воспитанники Бориса Степановича так или иначе становились его героями. Он знал, читал в их характерах, настроении, судьбах много больше, чем иной кинолог или самый сердобольный хозяин. О потрясающей собачьей преданности он написал в своих «Рассказах о потерянном друге» раньше, чем эту тему начало эксплуатировать кино. Кстати, большинство владельцев собак, пережив однажды смерть любимого питомца, больше собак не заводят: утрата слишком тягостна. А Борис Степанович...

— ...тут же брал нового щенка, — подхватывает Леокадия Семёновна. — Был убеждён: только так и надо. Новый питомец в доме — не предательство прежнего, это продолжение любви, а забота о нём и отвлечёт от сердечной боли...

Б. Рябинин написал около 70 книг, несчётно — статей для газет, журналов. «Есть узкоглазые авторы, а есть — широкоглазые, — сказал на этот счёт Павел Петрович Бажов, с которым Рябинину случилось как-то быть в командировке. — Один ничего толком не увидит, а Борис из поездки десять тем привезёт». Он писал о спорте, об Уральском добровольческом танковом корпусе, с которым ушёл на фронт. Рассказывал о метростроевцах, об артистах. Когда журналистика начинала мешать писательству, взмаливались издательства: «Борис Степанович, хотя бы одну книгу в год — читатели ждут...». Ждали, конечно же, прежде всего продолжения «собачьей темы», в которой Б. Рябинин находил бесконечное множество поворотов, сюжетов. В книгах, писательстве тема гуманного отношения homo sapiens к природе, к братьям меньшим стала главной рябининской. Этим до забавного было проникнуто всё в его жизни. Фотография Ленина на стене в писательском кабинете, потому что вождь — с собакой. За границей члены делегации после экскурсий и хождения по магазинам «шмотки» приносят, а они с женой — очередную собачку-сувенир в домашнюю коллекцию. По большому счёту, нынче эта рябининская коллекция (около 700 экземпляров!) — эксклюзив, гордость столицы Среднего Урала. Так же, как и сам писатель, поскольку таких уникумов в отечественной литературе больше нет. Но!

Сам Борис Степанович говорил про себя: «Я отстаиваю не просто куст или обиженного зверя, я душу человеческую отстаиваю».

«Урал вам — не Рио-де-Жанейро»

Пожалуй, самое употребимое слово в произведениях Б. Рябинина — «добро». И сам он на фотографиях — добряк, писатель-интеллигент. Но как-то один из редакторов издательства спросил у Леокадии Семёновны: «Как ты с ним живёшь? Такой вредный, такой упрямый...». «Да поймите вы, — ответила она, зная о разногласиях в издательстве. — Он себя как автора защищает, свою позицию...».

Казалось бы, чего и от кого защищать в текстах о любви к животным. Но хватало желающих подправить, смягчить, вычеркнуть. Однажды Рябинин даже провёл эксперимент. В рассказе, который не раз печатался и на Урале, и в Москве, он обвёл красным карандашом то, что в разных издательствах ему предлагали убрать. Остался один заголовок! Так и пропал бы рассказ, если бы автор не был «таким вредным», уступил. Борис Рябинин спорил и в обкоме партии, и с сильными мира сего в тогдашней уральской культуре. «Если я не прав в фактах — поправьте, — резко сказал однажды, — а править меня литературно вы не можете».

Кто ж из «сильных мира сего» стерпит такое? Поэтому он и слыл «неудобным автором». Самому же Рябинину важно было каждое ЕГО слово даже в маленьком рассказе о собаке: любовь к животным он воспринимал как звено, связывающее человека с матерью нашей — природой. Позиция же была ещё важнее слов.

Мало кто знает сегодня, что в хрущёвские времена писатель по сути спас центр столицы Среднего Урала, уберёг от псевдо-авангардистов. Тогда, в оттепель, деятели культуры начали выезжать за рубеж, знакомились с «новым словом» — в архитектуре, изобразительном искусстве. Возникла идея перестроить «в духе времени» и центр Свердловска — убрать все строения, закатать пространство в асфальт и сделать лишь островки-газоны с одиночными деревьями. Идея обсуждалась на общественных слушаниях. Архитекторы — за, жители — против. Рябинин сидит и слушает. Кто-то даже бросил в его сторону: «Что, писатель- то боится?».

Он взял слово последним. С невинным видом спросил у авторов проекта, какие «одиночные» деревья они собираются садить в центре. «Да мы ещё не знаем. Сначала эти уберём...». И тогда он выступил с эмоциональной отповедью, суть которой — «Урал — не Рио-де-Жанейро. Вы забываете, что буржуа-то приезжают в центр города только работать, а потом возвращаются на свою фазенду, к деревьям, речке, свежему воздуху. А у нас здесь, где вы собираетесь оставить пару-тройку деревьев, люди живут...».

Архитекторы долго на него обижались. Так же, как долго косились в его сторону и после того, как он авторитетом своим, словом помешал убрать с улицы Луначарского все липы.

И зелёное убранство Пушкинской он защищал, эти памятные исполинской высоты тополя. «Остаётся «радоваться», что Борис Степанович не дожил до того, как все их спилили, — сетует Леокадия Семёновна. — А ведь вполне можно было обновлять озеленение щадяще. Выкорчевал — посади саженец. Подрос он — берись за следующее. Рябинин был за ТАКОЕ отношение к природе...»

А как он воевал с апологетами любительской охоты?! Потребительскую необходимость в охоте — признавал, понимал. Но как можно убивать ради удовольствия? — этого постичь не мог. И не хотел. Сколько раз скандалил с журналом «Охота и охотничье хозяйство». Нравственный спор писателя и редакции журнала шёл в жанре публикаций, но — искры летели. Это сегодня «писатель пописывает, читатель почитывает». Тогда слово Б. Рябинина в защиту родной природы становилось публицистикой, взывающей к действию. «Пристальным взглядом», «Кто защитит защитника» — названия его сборников, не столь популярных, как книги о собаках, но зато сегодня, быть может, ещё более злободневных. «Ты хозяин! Ты готов им быть?» — одна из последних книг Б. Рябинина в защиту экологической самобытности и самоценности Урала. Название-плакат, в прямоте и напористости которого — характер самого Рябинина.

Но ему и перепадало за характер. Среди писем, хранящихся в семье, есть небольшая стопочка, перетянутая обычной аптекарской резинкой и подписанная самим Борисом Степановичем — «Письма недоброжелателей. Отклики на статью «В чьих руках ружьё?» и о заповедниках». Одни нападают хоть и мрачно, но с пиететом. Другие — не церемонятся. «Борис здорово с приветом к тебе мужик с Иркутска» (орфография автора) и дальше чуть не на «отборном русском». Но зачем-то он хранил эти письма. Должно быть, хотел доспорить...

«Я думал: угас мой огонь...»

Он мог быть неплохим топографом-землеустроителем (его первая специальность). Случалось, придя в гости, говорил: «Что-то у вас в квартире не так. Давайте переставим мебель». Позже хозяйка взахлёб хвалила гостя за образовавшийся комфорт и уют: у Бориса Степановича был отменный глазомер и ощущение пространства... Но он выбрал профессию, где необходим не глазомер, а точное ощущение призрачных, казалось бы, категорий — души, нравственных заповедей...

На рабочем столе писателя, под стеклом, — несколько прямоугольничков-записок. Текст — где от руки, где на машинке — выцветает от времени, но прочесть можно.

«Я думал —
угас мой огонь,
Разворошил золу —
и опалил ладонь...»

— Эти строчки я нашла у Мачадо, уругвайского поэта, — говорит Леокадия Семёновна. — У Бориса Степановича случилось тогда что-то вроде творческого кризиса, депрессии. Он терзался, мучая себя вопросом — не исписался ли, не становится ли его творчество просто ремеслом? Слова Мачадо как-то совпали с его настроением. Он положил строчки под стекло, на видное место. А позже и сам добавил сюда несколько цитат.

Рукою самого Рябинина — ещё строки из Хайяма, Баратынского, Ли Тай-бо. Видимо, это как-то его поддерживало.

Как? — можно только догадываться. На взгляд со стороны, Б. Рябинин не походил на неуверенного, рефлексирующего писателя. Напротив — неутомимо работал всегда и везде. Ему не мешали возня и шум подрастающих сыновей — он никогда не закрывал дверь в кабинет. Ему не мешал телефон. Сколько раз жена предлагала: «Давай будем отключать его, хотя бы часов до трёх». «Не могу. Ну как же можно? Люди звонят», — говорил он. Подходил по всем звонкам, разговаривал — и возвращался к письменному столу.

Вообще, он словно чурался писательского избранничества и комфорта одиночества, столь необходимого многим пишущим. На даче, на втором этаже специально для него устроили рабочее место — отказался. От портативной пишущей машинки, облегчавшей процесс, — тоже. Писал на веранде, на плетёном диванчике. На колене! Или — на скамейке, под сиренью. Тоже — на колене. «Так лучше работается».

А уж про рябининские «записные книжки» Леокадия Семёновна и сегодня с улыбкой вспоминает:

— С собакой пойдёт — бумажные четвертушки в карман. В театре сидим — и тут, смотрю, достаёт из кармана листок и карандаш. Он рвал тетрадные листы на четыре части. Чистые — в одном кармане. Достанет, напишет что-то — перекладывает в другой. А уж дома эти листочки — в папки, где разные другие заготовки...

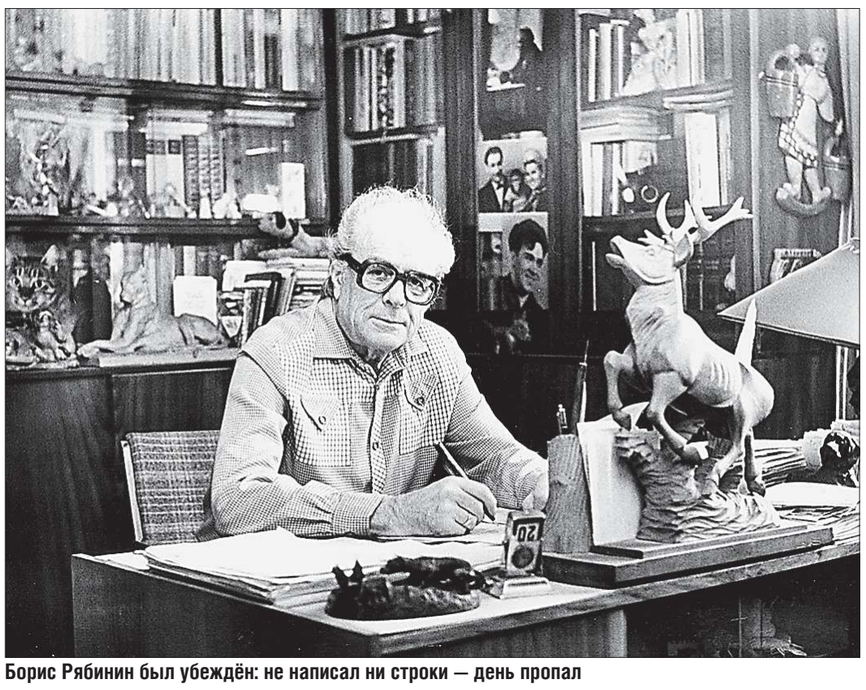
Когда после его смерти Леокадия Семёновна начала разбирать архив — ахнула: казалось, конца не будет рукописям, заготовкам, записочкам-четвертушкам. 20-томное собрание сочинений, начатое в области несколько лет назад, — это, уточняет она, не полное собрание, а только избранное. Остальное ещё надо разбирать. Но есть и то, что фактически подготовлено самим Б. Рябининым к публикации.

Леокадия Семёновна достаёт папку. На обложке рукописи — крупно: «По следам легенды. С Бажовым по бажовским местам». Открываем, и сквозь многочисленные крючки и стрелочки авторской правки проступает текст Бориса Рябинина, нигде прежде не публиковавшийся.

«Помню, как летом 1939 года обрадовал меня неожиданный телефонный звонок: Павел Петрович пригласил меня, тогда ещё совсем молодого литератора, в поездку на свою родину — в Полевской район.

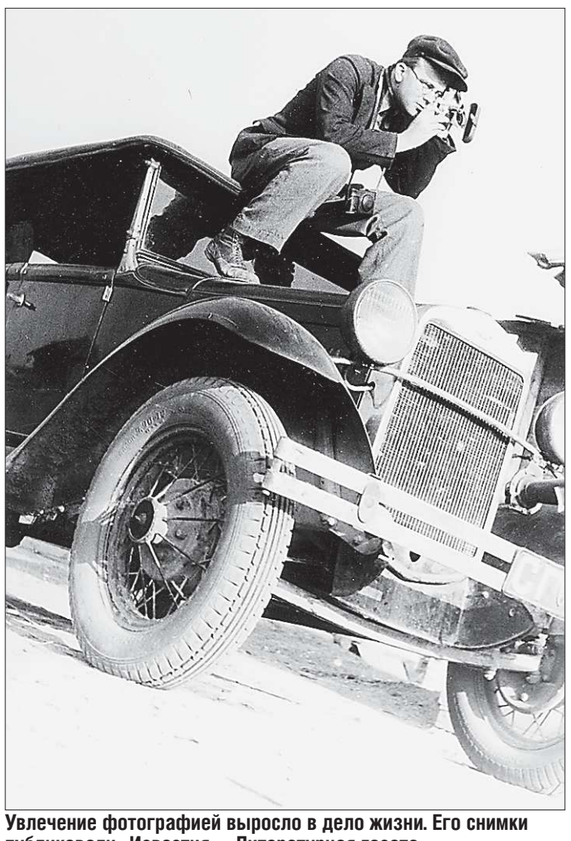
—Вдвоём-то веселее, — пояснил он своё предложение. — И тебе польза: Полевской повидаешь...».

«ОГ» первая обнародует сегодня эти рябининские строки. Рукопись ещё ждёт своего часа...



Борис Рябинин был убеждён: не написал ни строки — день пропал

«Рассказы о верном друге» рождались, как правило, в семье



Увлечение фотографией выросло в дело жизни. Его снимки публиковали «Известия», «Литературная газета»

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

Многие рукописи и письма писателя после его смерти семья передала в архив. Но на двух коробках рукою самого Бориса Степановича было написано: «Хранить всегда. Здесь самые дорогие письма. Письма писателей и друзей».

С согласия вдовы писателя «ОГ» публикует строки некоторых писем из этого заветного фонда.

* * *

Спасибо, дорогой тов. Рябинин, за чудесную книгу «Твои верные друзья». Книга написана таким квалифицированным, опытным мастером, в ней столько таланта и вкуса, что я читал её с восхищением и с завистью. Не только я, но вся моя семья и мои соседи полюбили эту книгу с первых же страниц. Мой внук, ученик 10 класса, приезжающий ко мне только по воскресеньям, прямо на пороге спросил:

–А где эта книга?

Оказывается, в прошлое воскресенье он прочитал её только до половины, и ему не терпелось её дочитать. Его сверстники, мальчишки, буквально рвут её у него из рук. Мне кажется странным, почему Вы не предложили вашу книгу московскому Детгизу. Уверен, что в конце концов она выйдет в Москве.

Корней ЧУКОВСКИЙ

* * *

Уважаемый Борис Степанович!

Я очень рад, что встретил в вашем лице хорошего друга и единомышленника. Фронт борьбы за большого, хорошего человека очень труден и велик. У нас с вами один участок фронта. С виду он кажется второстепенным, но по сути он очень важный и ответственный. Я с годами пришёл к выводу, что писатель должен бороться. Каждой своей строчкой, каждым вдохновеньем.

Привет Вам от всей моей семьи и персонально от Дони.

Ваш Юрий ЯКОВЛЕВ, народный артист СССР

* * *

Дорогой Борис Степанович,

сказано в писании «толцыте и отверзется вам». Чёрта с два достучишься в эту дверь! Дубасим, дубасим, а толку ни на грош.

Душевно благодарю Вас за присылку мне книги «Операция «Ч». В особенности радуюсь вашему неутомимому оптимизму, об утрате которого сам я весьма сожалею. Во всяком случае искренно хочу, чтобы армия друзей, вернее страдальцев за природу, скорее умножилась до того убедительного кворума, когда с мнением её необходимо будет считаться.

Леонид ЛЕОНОВ

* * *

Здравствуйте, уважаемый Борис Степанович! Я читал ваши книги «Рассказы о потерянном друге» и «Мои друзья». Очень полюбил собак и стал кормить бродячих собак. Одна очень милая, молодая дворняжечка привыкла ко мне, и я построил ей на улице конуру, утеплил её, но Ринго (так я назвал собаку) боится в ней жить. Ответьте, пожалуйста, на мои вопросы: как мне приучить Ринго жить (или хотя бы спать) в конуре? Как приучить Ринго есть из миски каши, супы? Однажды я сварил для неё геркулес, но она не стала есть (ест только кости)...

Илья АТАНОВ, Нижний Тагил

* * *

Уважаемый Борис Степанович! Письмо ваше получил. Приезжайте скорее. Эти дни буду дома. Побеседуем, посмотрите сорта пшениц, которые мы выводим. Только приезжайте скорее. Ожидаю с нетерпением.

С уважением Терентий МАЛЬЦЕВ

СЛОВО О ЗЕМЛЯКЕ

Владимир ПЛЮСНИН, директор Первоуральского экологического фонда:

— В честь юбилея писателя в городе организована акция «100 рябин к столетию Рябинина», в рамках которой администрация совместно с областным отделением Всероссийского общества охраны природы запланировали посадку аллеи. Потенциальных мест много — в районе Магнитки, Хромпика, Первомайки, Ново-Талицы. Спонсором акции выступает завод «Русский хром-1915».

Борис Степанович активно ратовал за сохранение уральской природы. В частности, в 70-е годы он первым заговорил о спасении реки Чусовой, организовав операцию «Ч». Жёстко ставил вопрос по работе Хромпика и СУМЗа, что по тем временам было совершенно немыслимо и выглядело как откровенное диссидентство, противостояние. По сути, именно с Рябинина на Среднем Урале началось формирование общественного экологического сознания.

Юрий ЯЦЕНКО, директор издательства «Банк культурной информации»:

— На Урале уже складывается целая плеяда писателей, которых безусловно можно называть классиками и ставить если не в один ряд с Бажовым, то где-то рядом. Мамин-Сибиряк, Никонов, Чуманов… Борис Рябинин из их числа: писатель уникальный по тематике произведений и количеству написанного.

В 2007 году по решению правительства Свердловской области началось издание 20-томного собрания сочинений Бориса Рябинина. К сожалению, после выхода первого тома из-за отсутствия финансирования издание было приостановлено. Хотя второй том — свёрстан, третий — подготовлен. На днях в областном министерстве культуры принято решение о продолжении работы по изданию собрания сочинений. Второй том может выйти уже к Новому году, третий — в начале 2012 года. Запланировано, что в издание войдут и ранее не публиковавшиеся работы Бориса Рябинина.

Для писателя главная память — его книги. Поэтому издать собрание сочинений Б. Рябинина — дело чести не только уральской творческой интеллигенции, но и власти.

«Я свой Урал узнал сначала ногами…». Первая профессия — топограф-землеустроитель — помогала в дальнейшем в писательстве

Любовь АЛЕКСАНДРОВА, заведующая отделом краеведения центральной городской библиотеки, г. Верхняя Тура:

— В городе прошли Рябининские чтения, на которые приехали также книгочеи из Краснотурьинска, Кушвы, Екатеринбурга, села Рудянское Сухоложского района, Верхотурья, Новой Ляли, Лобвы. Прозвучало 14 докладов-исследований, выступила вдова писателя.

Рябининские чтения собрали единомышленников. Они же были едины и в том, что на Урале должна появиться, например, улица Бориса Рябинина. Или библиотека его имени. Есть же в Кунгуре, на родине писателя, детская библиотека им. Б. Рябинина. Но ведь всё творчество писателя связано с нашей областью…

Владимир БОЛЬШАКОВ, академик Российской академии наук:

— Уже первая книга Рябинина о собаках имела колоссальное воздействие — я это испытал на себе, когда, будучи школьником, под влиянием книги завёл себе немецкую овчарку и назвал её в честь главной героини книги — Джери… Но, пожалуй, наибольший резонанс получила книга «Диалог о природе», который вели учёные — академик С.С. Шварц, член-корреспондент АН СССР Б.П. Колесников и писатель Б.С. Рябинин. Впервые в нашей литературе популярно и публично были обсуждены важнейшие в то время проблемы охраны природы. Книга не потеряла своего значения и через 30 лет после написания: в ней подняты вопросы, которые ещё долго будут волновать жителей Земли.

Подборку подготовили Ирина АЛЁШИНА и Анна ПОПОВА

«Операция «Ч» (в защиту Чусовой) стала первой всероссийской экологической акцией